


## Н.К., БЫВШИЙ КАТОЛИК, США (ЧАСТЬ 2 ИЗ 5)

Оценка: 5.0 

**Описание:** Католик, отрекшийся от своей веры и увлекшийся философией, не найдя ответов на свои вопросы принимает ислам. Часть вторая: изучение философии и чтение Корана.

**Категория:** [Статьи](#) [Истории о новых мусульманах](#) [Мужчины](#)

**Авторство::** Н.К.

**Опубликовано:** 11 Oct 2010

**Последние изменения:** 09 Mar 2014

В университете я изучал философию, а она учила задавать два вопроса каждому, кто заявляет, что знает правду: «Что ты имеешь в виду?» и «Откуда ты это знаешь?». Моя религия не смогла дать ответы, и я осознал, что в моей жизни не осталось места для христианства. Я пустился в поиск, который наверняка знаком многим западным людям – поиск смысла в бессмысленном мире.

Я начал там, где утерять мою прежнюю веру – среди философов. Но отыскать я хотел не философию, а нечто больше.

Я изучал труды великого пессимиста Артура Шопенгауэра, который говорил о феномене жизненных стадий, и что деньги, известность, физическая сила и интеллектуальность – все уходит, и лишь моральное превосходство остается. Этот пример запал мне в душу, и спустя годы я вспомнил о нем. Он также обращает внимание на тот факт, что, становясь все более взрослым, человек склонен отказываться от того, что так яростно защищал по молодости лет. Предчувствуя, что найду божественное, я решил собрать как можно больше убедительных аргументов атеизма, чтобы потом найти на них опровержение. Я прочитал работы по философии имморализма Фридриха Ницше в переводе Уолтера Кауфмана. Многогранный гений разобрал моральные суждения и верования людей восхитительными филологическими и психологическими аргументами, а в итоге обвинил человеческий язык

как таковой, и язык науки девятнадцатого века в особенности, за его изначальную решительность и опосредованность понятиями, унаследованного из языка морали, что в настоящей форме они не могут и надеяться увидеть реальное положение вещей. Помимо иммунологической ценности против абсолютного скептицизма, работы Ницше поясняли, почему Запад являлся пост-христианским, и безошибочно предсказал беспрецедентную дикость двадцатого столетия, развеяв миф о том, что наука послужит моральной заменой ныне мертвой религии.

На личном уровне из его тирады о христианстве, особенно в «Генеалогии морали», я извлек пользу и поделил верования монотеистической традиции на несколько малых частей, удобных для анализа. Он отделил несущественные понятия от важных, которых, как я увидел, было только три: Господь существует; Он отправил человека в мир и определил поведение и действия, ожидаемые от него; Он станет судить людей по их деяниям и либо накажет, либо вознаградит.

Именно тогда я начал читать первые переводы Корана, которыми я неохотно восхищался (хотя сомнения агностика не покидали меня): с такой ясностью он передавал эти основные концепты. Даже если бы все оказалось ложью, более существенного выражения религии я не представлял. Как литературный труд, данный перевод (кажется, он был сделан Сейлом) источал враждебность к предмету перевода. А я знал, что оригинал на арабском выделялся красотой и красноречивостью среди священных писаний. У меня возникло желание изучить арабский, чтобы прочитать оригинал.

Как-то во время каникул я шел по грязной дороге меж пшеничных полей. Солнце садилось, и я почувствовал, что наступает время поклонения, время молитвы одному Богу. Но в таких вещах человек не может полагаться на интуицию, чтобы узнать все подробности. Скорее, это было началом понимания, что атеизм – неестественный образ бытия.

Часть этого беспокойства я унес с собой, когда приехал в университет Чикаго, где изучал гносеологию этической теории, как осуществлялось

моральное суждение. В книгах по философии я искал нечто, что бы пролило свет на вопрос бесцельности. В этом заключался мой личный интерес, к тому же это было основной философской проблемой нашего времени.

Как утверждали одни, научное наблюдение может дать только описательное утверждение по шаблону «X являетсяY». К примеру, объект является красного цвета, его вес является два килограмма и т.д. Здесь функциональным элементом выступает «является». В моральном же суждении функциональную роль выполняет «следует», которое, как выяснилось, было логически бессмысленным, а вместе с ним и все моральное. Это напомнило мне совет Лукиана: тот, кто встретит на пути приверженца моральной философии, пусть бежит от него как от бешеной собаки. Для такого человека главенствующей была целесообразность.

Адрес этой статьи:

<https://www.islamreligion.com/index.php/ru/articles/93>

Copyright © 2006-2015 Все права защищены © 2006 - 2023 IslamReligion.com. Все права защищены